

Слово : русская нац.-демокр.

газета, №.606 (28.08.1927)

Объ „ошибкахъ“ Достоевскаго.

Страницы записной книги.

I.

Мой покойный нынѣ профессоръ, Д. Цвѣтаевъ, рассказывалъ мнѣ, какъ выступалъ на литературномъ вечерѣ въ пользу студентовъ Петербургскаго университета Достоевскій.

«Знаменитость одна за другой выходила на эстраду. Пѣли, декламировали, читали свои произведения. Народу въ залѣ было нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вечеръ происходилъ въ Дворянскомъ Соборѣ.

Но вотъ появился Достоевскій. Все вдругъ умолкло. Небольшая фигура великаго писателя, его нервное выразительное лицо, блестящій огромный лобъ приковали къ себѣ всеобщее вниманіе. — «Что онъ прочтетъ?» — спрашивали мы другъ друга.

Достоевскій немного приподнял голову. Мы болѣзненно насторожились, боясь шелохнуться. Среди гробовой тишины раздались:

Духонной жаждою томимъ
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ,
На перепутьи мнѣ явился...

Достоевскій читалъ «Пророка» Пушкина... Нельзя передать словами, какъ онъ читалъ... Уже послѣ первыхъ стиховъ весь залъ ясно-ясно постигнулъ, что Достоевскій не читалъ стихотвореніе другого поэта, а рассказывалъ чудесными неповторимыми словами дивную повѣсть о самомъ себѣ, удостоенномъ свыше пророческаго служенія, призванномъ къ нему помимо собственной воли...

Мы стояли, какъ зачарованные... Безгранично взволнованные съ слезами на глазахъ... А съ эстрады несся тихіе, полные глубочайшей саяи, чувствуемаго нами глубокаго, искренняго и мучительнаго пафоса слова:

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ
Въ уста замершія водвинулъ...

Многіе изъ насъ, не стѣсняясь, плакали... Предъ нами стоялъ полнѣйшій пророкъ. Какое у него было тогда лицо!

Съ какимъ восторгомъ и благодарностью проводили мы гениальнаго писателя!...

II.

«Исторія — это біографія великихъ людей... Великій человѣкъ, какъ бы образомъ мы ни говорили о немъ, составляетъ всегда весьма полезное общество для насъ... Въ роковыя минуты вашей жизни и жизни родной вамъ страны смотрите въ глаза великаго человѣка прошлыхъ временъ...»

Такъ восторженно писалъ Карлейль, создавая культъ великаго человѣка...

Не приличествуетъ ли и намъ, нынѣшнимъ русскимъ, находящимся «въ тѣни и сѣни смерти», обратиться къ великимъ людямъ нашего прошлаго, духовнымъ вождямъ нашимъ, и вслушаться въ ихъ «слово», можетъ быть, и большое, гнѣвное, предостерегающее, напоминающее, на которое «въ оно время» мы не обратили должнаго вниманія.

Наврядъ ли кто осмѣлится не увидѣть въ Достоевскомъ такого именно вождя... Пророка! Русскаго Іеремію, полнаго безконечной скорби и гнѣва, великаго гнѣва!...

Да, это одна изъ прекрасныхъ, нетронутыхъ еще темъ, увлекательныхъ и для науки и для художественной критики: «творческая личность Достоевскаго и пророка древняго Израіля». Какъ много общаго въ процессѣ ихъ творчества, религиознаго по существу и облеченнаго въ потрясающіе воображеніе поэтическіе образы!...

III.

Взять хотя бы знаменитый романъ «Бѣсы». Развѣ это не «книга великой скорби и гнѣва» на тѣхъ, кто имѣетъ уши и не слышитъ, глаза и не видитъ? Развѣ это не рядъ пророчествъ, озаряющихъ и освѣщающихъ эту книгу трагическими раскатами далекой грозы, что упала теперь на наши головы?...

Считаю, что въ прошлой моей статьѣ («Объ «ошибкахъ» Достоевскаго» «Слово», 21 авг.) я смогъ только общо отвѣтить г. Айхенвальду; убѣжденъ, что намъ полезно подольше побыть съ самимъ Достоевскимъ, помимо «о кри-

тиковъ», — время сейчасъ такое мучительное, какъ и правда Достоевскаго, а потому... переиздать снова «книгу великой скорби и гнѣва» не мѣшаетъ...

IV.

«Слушайте, мы сдѣлаемъ смуту... Мы сдѣлаемъ такую смуту, что все поѣдетъ съ основъ... Неужто вы не вѣрите, Ставрогинъ, что насъ двоихъ совершенно достаточно?...

— Возьмите Шигалева, и меня бросьте въ покоѣ...

— Шигалевъ гениальный человѣкъ!.. У него каждый членъ общества смотритъ одагы за другимъ и обязанъ доносить... Первымъ дѣломъ понижается уровень образования, наукъ и талантовъ... Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями!.. Рабы должны быть равны!.. Не надо образования! Надо устроиться послушанію... Мы уморимъ желаніе; мы пустимъ пьянство, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ... Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности... Все къ одному знаменателю!.. Необходимо лишь необходимое, вотъ девизъ земного шара отсель...

...Онъ (Шигалевъ) предлагаетъ раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятими. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родъ какъ въ стадо... Это идея, это въ будущемъ!.. Нужна черная работа!.. Мы сначала пустимъ смуту... Мы произведемъ въ самый народъ... Наши не тѣ только, которые рѣжутъ и жгутъ... Учитель, смѣющийся съ дѣтьми надъ ихъ Богомъ, уже нашъ. Адвокатъ, защищающій образованнаго убійцу тѣмъ, что онъ развитѣе своихъ жертвъ и, чтобы денегъ добыть, не могъ не убить, уже нашъ... Прокуроръ, трепещущій на судѣ, что онъ недостаточно либераленъ, нашъ, нашъ!.. Администраторы, литераторы, о нашихъ много!.. Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идеями возьмемъ?.. Ахъ, какъ жаль, что нѣтъ еще пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ, къ этому идетъ... Одно или два поколѣнія, разврата теперь необходимо, разврата неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь... Вотъ чего надо!.. А тутъ еще «свѣжень-

кой кровушки», чтобы попривыкъ!.. Чему вы смѣетесь? Я мошенникъ, а не социаллистъ!.. Не надо, чтобы и народъ уравнивался, что мы знаемъ, чего хотимъ... Мы провозгласимъ разрушеніе... Эта идея такъ обаятельна... Надо косточку поразмять!.. Мы пустимъ пожары... Тутъ каждая шелудивая «кучка» пригодится. Я вамъ въ этихъ же «кучкахъ» такихъ охотниковъ отыщу, что на всякій выстрѣлъ пойдутъ, да еще за несты благодарны останутся... Ну-съ и начнетъ смута! Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видалъ... Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ...

V.

Гигантскій образъ провокатора нарисованъ Достоевскимъ въ личности Петра Верховенскаго, такъ откровенно исповѣдующагося въ приведенныхъ выше словахъ.

Кошмарная исповѣдь... Какъ издѣвались надъ Достоевскимъ за созданный имъ образъ Петра Верховенскаго! Вся либеральная Россія ополчилась на великаго писателя...

Если бы онъ... ошибся...

Особенно возмущались за выведенный Достоевскимъ типъ либеральствующаго писателя Кармазинова, съ улыбкой заявляющаго о томъ, что... «ужь въ Русскаго Бога я совсѣмъ не вѣрую... что у насъ въ Россіи и рушиться нечему. Упадуть не камни, а все расплывется въ грязь... что Святая Русь менѣе всего на свѣтѣ можетъ дать отпору нему-набуду, а потому я убѣжденъ въ успѣхѣ этой таинственной пропаганды... Россія, какъ она есть, не имѣетъ будущности... Сколько я вижу, и сколько могу судить, вся суть русской революціонной идеи заключается въ отрицаніи чести... Мнѣ нравится, что это такъ смѣло выражено» и т. д. и т. д. «Я понимаю, почему русскіе съ состояніемъ хлынули за границу и... теперь я перебираюсь туда совсѣмъ»...

Однако, возмущались не столько рѣчами Кармазинова, сколько намекомъ здѣсь на западника — Тургенева.

Дѣло, конечно, здѣсь не въ Тургеневѣ, а въ словахъ самого Кармазинова, представлявшихъ вариантъ статей тогдашнихъ передовыхъ журналовъ, совершенно не предполагавшихъ, чѣмъ можетъ окончиться игра съ «готовыми идеями».